

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И НАРРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ЕПИФАНСКИЕ ШЛЮЗЫ»

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 октября 2015 г.

Аннотация: в статье анализируются специфика исторического дискурса и нарратива в повести «Епифанские шлюзы». Выясняется, как соотносятся в структуре произведения история и предание, какая роль отведена повествовательным структурам, стилизованным под документы петровской эпохи. Выявляется значение различных нарративных практик для реализации художественного замысла А. Платонова.

Ключевые слова: творчество А. Платонова, художественный текст, исторический дискурс, нарратив, творческие стратегии писателя.

Abstract: the article is devoted the study to the specificity of historical discourse and narrative practices in the Platonov's story «Epiphanskiye shliuzy». It turns out the correlation between the structure of works of history and legend, what role narrative structures, stylized documents of the Great Peter's time. The author reveals the importance of «text in text» for the realization of the artistic concept of A. Platonov.

Key words: A. Platonov's works, fictional text, historical discourse, narrative, creative strategy of the writer.

В истории менявшихся прочтений повести «Епифанские шлюзы» источниковедческой проблематике уделялось значительно больше внимания, нежели нарративным практикам.

Поиск изданий и документов, предпринимавшийся с тем, чтобы воссоздать «канву событий, послуживших поводом к созданию» произведения [1, 206], приводил к растянувшейся во времени дискуссии, в ходе которой уточнялись источники, соответствия и несовпадения, существующие между историческим дискурсом, реализованном в тексте, и документально установленными фактами [2]. Предметом полемики становились и устные свидетельства, сопровождавшие обсуждение повести в научно-критической литературе. Так, рассматривая «проблемы освоения» платоновского наследия, один из исследователей весьма скептически оценивал воспоминания Марии Александровны Платоновой, ещё в 1960-е годы рассказывавшей заинтересованным слушателям, что, приступая к «Епифанским шлюзам», её муж изучал «старинный рукописный список» [1, 207], (по другим версиям, – «свитки»), «поразившие» его воображение и «послужившие подспорьем при создании повести» [3, 97]. Окончательно оспорить или подтвердить эти слова, очевидно, не представляется возможным и сейчас, на фоне современных разысканий.

Но обратим внимание на существенную закономерность: обращаясь к проблемам интерпретации отечественной истории, относящейся к периоду

царствования Петра I, писатель учитывает не только письменные источники, но и артефакты гидротехнической деятельности той эпохи. «Водный Ход» между Доном и Окой в творческом сознании А. Платонова неизменно соотносится с работами, развернутыми в начале XVIII века на реке Воронеж, ставшей доступной для многопушечных морских кораблей благодаря так называемым «петровским шлюзам», построенным в устье «водной артерии».

Этим сооружениям в повести «Епифанские шлюзы» посвящена значительная часть письма Вильяма Перри, убеждавшего своего брата приступить к исполнению нового «проекта» русского императора.

В очерке «Че-Че-О» со свойственной ему иронией писатель оценит достижения и просчеты царя-преобразователя: «Петр Первый превратил Воронеж в русский Амстердам – выписал сюда гвардию голландских, английских и немецких инженеров и здесь же задумал прорыть канал на соединение Дона с Окой, начал его строить, но не закончил» [4, 206]. В 1928 году описание деятельности царя-реформатора на полосе журнала «Новый мир» появится в следующей редакции: «опять о Петре: превратив степной город Воронеж в российский Амстердам, именно отсюда Петр людьми и приспособлениями начал водный канал, который должен был соединить Дон с Окой» [5, 251]. В той же прижизненной публикации «областных организационно-философских очерков» уточнялось, что «Епифанские шлюзы живы были до 1910 г.» [5, 251], но отсутствовал фрагмент, значимый для понимания авторской позиции: «Пётр, говорят, обездолил леса всего края на

постройки верфей, шлюзов и кораблей. Пётр знал толк в материалах и требовал, как истый перво-классный инженер, лес высшего качества даже для постройки вспомогательной лодки. После Петра леса начали вырождаться и в наши дни превратились в так называемые леса местного значения, т. е. мелкие полукустарниковые породы. Пётр, стало быть, бессознательно сыграл роль родоначальника лесов местного значения» [4, 207].

Восстановленный текст произведения убеждает в том, что реализованный в произведении дискурс намного превышает масштаб информации, сведённой в «исторические справки» [5, 251]. Дистанцируясь от источника сообщения («Пётр, говорят, обездолил...» <курсив наш. – О. А.>), очеркист включает ставшие ему известными почти «апокрифические» сведения о делах «угодника европейской технической цивилизации» [4, 206] и «родоначальника лесов местного значения» [4, 207] в ряд общеизвестных фактов, так как исходит из того, что не личность царя, но результаты его деятельности имеют значение для будущих поколений.

Во второй половине 1920 годов взгляды А. Платонова на роль личности в истории явно не совпадали с аксиологическими установками большевистской пропаганды. Д. Д. Николаев недавно остроумно охарактеризовал последние как поворот «от Степана Разина к Петру Великому»: «В начале 1920-х годов Пётр I противопоставлялся простым людям и даже непосредственно сталкивался с ними», затем векторы характеристик и оценок значительно меняются: «наряду с классовой пропагандой всё большую роль играет пропаганда интересов национально-государственных» [7, 564].

Однако в стратегиях интерпретации отечественной истории А. Платонов достаточно свободно и критично обращается с «версиями» официальной историографии, преследовавшей, разумеется, не только просветительские, но и очевидные идеологические, пропагандистские цели, до Октябрьской революции состоявшие в описании «великих деяний» российских императоров, а в первые годы советской власти – в огульном их очернении. Именно поэтому авторское отношение к артефактам и «свидетелям» истории – верфям и шлюзам, возведённым на реке Воронеж, и строительным объектам, получившим название по месту их расположения вблизи уездного города Епифань Тульской губернии, в «Че-О» столь неоднозначно.

В повести «Епифанские шлюзы» соотношение исторического дискурса и нарративных практик имеет свои особенности.

Установлено, что в работе над повестью А. Платонов опирался на книгу А. И. Легуна «Воронежско-ростовский водный путь» [8, 464], вышедшей в до-революционном Воронеже. Переработанные выписки из этой книги используются в открывающем

произведение письме Вильяма Перри и в повествовательных структурах, стилизованных под документы петровской эпохи (в описании технических деталей проекта строительства, в челобитной царю, рапорте Карла Бергена о неудаче работ, предпринятых на Иван-озере) [8, 461].

Однако важно заметить, что специфика воплощения исторического дискурса в этом произведении определяется отнюдь не стремлением писателя следовать источникам и точным фактам: в «Епифанских шлюзах» предание, «вымысел и история принадлежат – под углом зрения нарративной структуры – к одному и тому же классу» [9, 187].

Так, установкой на «изустность» в тексте повести отмечены и повествовательные структуры, основанные на книжных источниках, и конструкции, рожденные художественным вымыслом. «Текст в тексте» является общим принципом, «удостоверяющим» в глазах читателя приметы петровской эпохи. Этот эффект усиливает акцентированная в повествовании хронология событий, расставленные в тексте указания на времена года и сменяющие друг друга месяцы. Но при этом отсутствует очевидная определенность, к какой именно реальности – художественной или внетекстовой – отсылают графически выделенные фрагменты текста: челобитные, рапорты, указы императора и т. п.

В свете сказанного несомненный интерес представляет специфика повествовательных конструкций, воссоздающих казённые документы: формулировки, традиционные для официально-делового стиля Российской империи, сопровождаются сказовой стилизацией. Вот один из характерных примеров: «По повелению государя и самодержца всероссийского, Наук-Коллегия любезно просит аглицкого морского инженера Бертрана-Рамсея Перри пожаловать в Наук-Коллегию – в водно-канальное установление, что по Обводному прошпекту помещение особое имеет.

Государь имеет самоличное наблюдение за движением прожекта по коммутации рек Дона с Окою – через Иван-озеро, реку Шать и реку Уну, – посему надлежит в прожектёрском труде поспешать» [6, 98].

Принято считать, что «сказовая стилизация утверждает себя своей «внелитературностью» на фоне книжно-литературной речи» [10, 26].

Важно и другое: являясь инструментом организации повествования и предметом изображения, текстовые структуры, стилизованные под официальные документы петровской эпохи, в «Епифанских шлюзах» приобретают особую художественную функцию: бюрократический дискурс олицетворяет нравы и порядки империи, потребность которой в писцах оказывается вдвое большей, чем в инженерах. Выразительная подробность: на задуманное строительство грандиозного канала «вместе с Бертраном должны были ехать ещё пять немецких ин-

женеров и десять писцов из Административного приказа» [6, 102]. (Курсив наш. – О. А.).

В «нарративной картине мира» (терминология В. И. Тюпы), запечатленной в платоновском тексте, на соприродность документооборота и деспотической власти, лишаящей дара речи иноземных и российских подданных, указывают многие события и эпизоды.

В провинциальной глуши нельзя написать бумагу для официальных инстанций или казённой надобности в обход специальной службы: «...окромя воеводского приказу, в Епифани чернилов нету и составные краски никому не ведомы!..» [6, 110].

По уверению того же субъекта повествования, «...у нас народ такой охальник и ослушник! Ему хоть ты што – он все челобитные пишет да жалобы егозит, даром што грамоте не учен и чернильного состава не знает... <...> И зачем их слова обучали говорить? Раз грамоты не разумеют, и от устных слов надобно отучить!..» [6, 110].

И в наказе императора – отписывать об учиненном на строительстве канала «сопротивлень», доносить «гонцами – на живую и скорую расправу» [6, 101] – сквозит сходная фанатичная вера в неотменяемую силу казённой бумаги.

В соответствии с этой «логикой» появление обычного почтового курьера вызывает завораживающий страх у почтенных немецких инженеров-специалистов, принявших условия императорского контракта: «И тут затряслась дверь от резкого стука казённой руки: так мог стучать посланный либо арестовать, либо известить о милости бешеного царя.

Но то был гонец из Почт-Приказа. Он попросил указать ему Бертрана Перри, аглицкого капитан-инженера. И пять немецких рук, в родинках и веснушках, указали ему на англичанина» [6, 103].

Из-за всевластия письма и фразы, насаждаемого государственным аппаратом, повсеместно – в столице и провинции – исторический дискурс сопрягается с бюрократическим: «... прожект был исполнен и планы начисто переписаны. Все документы были доложены царю, который их одобрил <...>. В тот же час Петр отдал приказы наместникам и воеводам, по провинциям которых шлюзы и каналы строятся будут, дабы они оказали полное восполнение главному инженеру – всем, чего он ни потребует. Бертрону же были даны права генерала, и соподчинение он имел только царю и главнокомандующему» [6, 101].

Жалованная «милость» означала зависимость и подсудность лично от императора, но причастность к государственному бюрократическому дискурсу вводит в искушение представлять себя в ряду великих людей – полководцев, мореплавателей, прославленных зодчих. Распечатав конверт, адресованный ему императорской Наук-Коллегией, Перри мечтает занять место в пантеоне всемирной исто-

рии: «Неукоснимо ты права, маленькая Мери... <...> Я помню, ты сказала: мне нужен муж, как странник Искандер, как мчащийся Тамерлан или неукротимый Аттила. А если и моряк, то как Америго Веспуччи <...>» [6, 99]. И приходит к утешительному для себя выводу: «Искандер завоёвывал, Веспуччи открывал, а теперь наступил век построек – окровавленного война и усталого путешественника сменил умный инженер» [6, 100].

Уверовав в свою причастность к «письму истории», герой претендует на большее, чем «соподчинение» царю и главнокомандующему: морской инженер и «подданный британского короля» ставит под своим приказом, грозящим смертной казнью всем ослушникам, «подпись Петра, – для устрашения и исполнения: пускай потом царь поругает, нельзя же ехать к нему в Воронеж, где он флот на Азов снаряжал, чтобы подпись его получить и два месяца времени упустить.

Но и так пристрожить мастеровых людей не удалось» [6, 109].

Логика нарративных практик, реализованных в «Епифанских шлюзах», убеждает, что бюрократический дискурс, претендующий на особое место в истории, является лишь бумажной завесой, скрывающей неотменяемые законы и мощь реального мира: ««Вот он, Танаид!» – подумал Перри и ужаснулся затее Петра: так велика оказалась земля, так знаменита обширная природа, сквозь которую надо устроить водяной ход кораблям. На планшетах в Санкт-Петербурге было ясно и сподручно, а здесь, на полуденном переходе до Танаида, оказалось лукаво, трудно и могущественно» [6, 106–107].

Особо отметим, что нарратив, воссоздающий несобственно-прямую речь начавшего прозревать человека – в соответствии с внутренней логикой текста – появляется в главе, где отсутствуют документы и письма, а герой сосредоточен на величии земли и неба, не терпящих суесловия, расчета и фальши. Именно на этом этапе развития действия, услышав слова немецкого инженера о «великих» залежах торфа, Перри «отвернулся, заметив страшную высоту неба над континентом, какая невозможна над морем и над узким британским островом» [6, 105].

В «глубине азийского континента» на встрече разных цивилизаций расширяются горизонты исторического дискурса и, как следствие, – географическое и топонимическое пространство текста: «путешественники должны повернуть на Калмиюсскую Сакму – татарский ход по обочине Дона на Русь». И держать «курс на полдень – на Идовские и Ордобазарные большаки» [6, 106; 107].

Наименования дорог, проложенных крымскими и ногайскими татарами в южные регионы Руси, платоновский рассказчик воспроизводит, используя тюркское слово «сакма» («наезженная дорога»),

русское «большак» («большая дорога»), привычные для разговорной речи, но нельзя не отметить и влияние письменных источников: дорога, шедшая через реку Кальмиус и получившая название Кальмиусская, в тексте повести обозначена так же, как и в до-революционных «историко-статистических описаниях» русских губерний и епархий: Калмиюсская. Ср., например: «по Книге большого чертежа, из Ливен к Перекопу Крымскому шли три дороги – Муравский шлях, чрез нынешний Перекоп Валковского уезда, Изюмская дорога – к так называвшемуся Изюмскому кургану, близ которого был перевоз чрез Донец, и Калмиюсская дорога, на восток от Изюмской, переходившая чрез Донец» [11, 77].

Несовпадения реальности и зафиксированной на бумаге картографической информации специально обыгрывается в повести. На картах конца XVII – начала XVIII века был обозначен Посольский тракт. Но вместо «тракта», указанного на карте, путь в Елифань лежит через «пространные степи и ковыльные земли, на которых не было и следа дороги»:

– А где же Посольский тракт? – спрашивали немцы ямщиков.

– А вот он самый, – указывали на круглое пространство ямщики.

– А сего незаметно! – восклицали немцы, глядя в грунт.

– Так тракт одно направление, а трамбовки тут быть не должно! Он до самой Казани такой – все едино! – поясняли, поелику возможно, ямщики иноземцам.

– Ах, это знаменито! – смеялись немцы.

– А то как же! – всерьез подтверждали ямщики. – Оно так видней и просторней! Степь в глаза – веселья слеза!» [6, 105–106].

Открытие неведомой иностранцам России мотивирует появление фольклорной составляющей текста – присказок, пословиц, поговорок; правда, они сравнительно немногочисленны. Историю тех мест, что попадают в поле зрения английского инженера, «досказывает» нарратор, уровень оценок которого не противоречит «мнению народному»: «С удивлением вглядывался Бертран Перри в редкие укрепления с храмишками посредине. Окрест таких самодельных кремлей жили местные люди в кучах избушек. И видно было, что это – новосельные люди. А раньше все хоронились в уюте земляных валов и деревянных стен, когда татары по степному разнотравью достигали сих районов. Да и жил в тех крепостцах все более казенный народ, учиненный сюда князьями, а не полезные хлебопашцы. А теперь – разрастаются селитбища, а по осени и ярмарки гремят, даром что нынче царь то со шведами, то с турками воюет и страна – от того ветшает» [6, 106].

И в приведенном примере, и далее нарративная практика отмечена описаниями, оценками и характеристиками, указывающими на иного, чем прежде,

субъекта повествовательной речи, посвященного в «свои», российские темы, почти неведомые иностранцам: «За Рязанью – обиженным и неприятным городком – уже редко жили люди. Тут шла бережная и укромная жизнь. Еще от татар остался этот страх, испуганные очи ко всякому путнику, потаенность характера и заюленные чуланчики, где таилось впрок небогатое добро» [6, 106].

С нарративом, передающим некорыстную жизнь людей простого звания, контрастируют и соперничают речевые императивные практики, возвращающие Перри в «царство канцелярии и фразы» – к новому указу царя и самодержца: «...я объявляю епифанское Воеводство на военном положении, а мужское население забираю в солдаты сплошь! Затем я шлю тебе поручиков и капитанов отборного свойства, кои с ротами епифанских рекрутов и ополченцев придут на твои работы, а ты считайся полным генералом, а помощникам и сподручным мастерам также раздай подобающие чины, коих с них станет» [6, 114].

Однако бюрократический дискурс, умело оперирующий на бумаге чинами и званиями, несущими ротами «рекрутов и ополченцев», не готовыми для судоходства плотинами и шлюзами, оказывается бессильным на встрече с жизнью, имеющей собственные законы, не похожие на те, что расписаны в умозрительных «прожектах» и реляциях: «Петербургские прожекты не посчитались с местными натуральными обстоятельствами, а особо с засухами, которые в сих местах нередки. А выходило, что в сухое лето как раз каналам воды не хватит и водный путь обратится в песчаную сухопутную дорогу» [6, 118].

Особое место в структуре повествования занимают нарративы, вызванные молвой, отсутствием устойчивых коммуникативных связей между властью и народом. Характерно, например, письмо, полученное Бертраном Перри от рассерженного царя: «Слух о твоей неспособной работе дошел до меня допрежь твоей челобитной. Из сей незадачи я усматриваю, что тамошний епифанский народ – холуй и пользы своей не принимает...» [6, 114]. В том же ряду – жалоба епифанского воеводы: «Стражник один – тому десять ден – прискакал оттыльча, сказывал, что пешие все на Яик и Хопер убежали, а семьи их, истинно, по Елифани с голоду маются. Отдыху от баб не вижу, а окромя – всяка стервь доносом норovit меня унять...» [6, 111].

Власть бумаги, отписанной «казенной рукой», ставится под сомнение и повествовательными практиками, воссоздающими терпеливую и «догадливую» народную жизнь: «Мужики не чаяли, когда эта беда минует Елифань, а по воде никто не собирался плавать; может, пьяный когда вброд перейдет эту воду поперек, и то изредка: кум от кума жил в те времена верст за двести, потому что сосед соседа

в кумовья не брал, – бабы не дружили <...>» [6, 123].

Исторический дискурс, в повести «Епифанские шлюзы» вырвавшийся из стратегии, направленной на реконструкцию «незначительных» событий отечественной истории, приводит к осмыслению породивших их причин: «А что воды мало будет и плавать нельзя, про то все бабы в Епифани еще год назад знали. Поэтому и на работу жители глядели как на царскую игру и иноземную затею, а сказать, к чему народ мучают, – не осмеливались» [6, 123].

Обобщение оказывается возможным в результате разграничения эпической дистанции между событиями и предпринятого о них рассказа. Правда, из нарративного «порядка» выпадает оборванная «лирическая» линия сюжета: последнее письмо Мерри не прочитано Бертраном, замученным в пыточной башне. Однако завершающий повесть краткий эпилог о судьбе конверта, доставленного из «иноземной державы» в Епифань, и «от греха» отправленного воеводой «за божницу – на вечное поселение паукам» [6, 127], подсказывает читателю, что царящие в приказах и канцеляриях «времена и нравы» остались неизменными. Таким образом реализованные в повести нарративные практики – в их состязательности и единстве – получают символическое завершение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонова Т. А. Комментарий к повести А. Платонова «Епифанские шлюзы» / Т. А. Никонова // *Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения.* – Воронеж, 1970. – С. 204-210.
2. См.: Громов-Колли А. Заметки об исторической реальности, условном прототипе и проблематике повести «Епифанские шлюзы» / А. Громов-Колли // *«Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества.* – Вып. 2. – М., 1995. – С. 215-220.
3. Свительский В. А. Факты и домыслы: о проблемах освоения платоновского наследия / В. А. Свительский // *Андрей Платонов: Исследования и материалы. Сб. трудов.* – Воронеж, 1993. – С. 80-102.
4. Платонов А. П. Че-Че-О // *Андрей Платонов. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения.* – М., 2009. – 656 с. – (Собрание).
5. Платонов А., Пильняк Б. Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки) / А. Платонов, Б. Пильняк // *Новый мир.* – 1928. – № 12. – С. 249-258.
6. Платонов А. П. Епифанские шлюзы // *Эфирный тракт: Повести 1920 х – начала 1930 х годов.* – М., 2009. – 560 с. – (Собрание).
7. Николаев Д. Д. Литература как пропаганда / Д. Д. Николаев // *В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / Отв. ред. О. А. Казнина.* – М., 2010. – С. 494-594.
8. Антонова Е. О некоторых источниках прозы А. Платонова 1926-1927 гг. / Е. Антонова // *Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества.* – Вып. 4. Юбилейный. – М., 2000. – С. 460-485.
9. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1 / П. Рикёр. – М.-СПб., 1999. – С. 187-189.
10. Муценко Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Муценко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик. – Воронеж, 1978. – 287 с.
11. Филарет, архиепископ (Гумилевский Д. Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. V Изюмский, Купянский уезды / Д. Г. Гумилевский. – Харьков, 1858. – 287 с.

*Воронежский государственный университет
Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

*Voronezh State University
Aleinikov O. U., Candidate of Philology, Associate Professor,
Chair of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*